

*Иван Микиртумов*¹

ЛОГИКА ОТНОШЕНИЯ ИМЕНОВАНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ²

Аннотация. В статье я хочу показать, что трансмировая идентификация основывается на отношении именованности, требует для своего описания дейктических референтов ситуаций и может быть выражена с использованием термов *de re*. Теория жёстких десигнаторов не адекватна ни когнитивным основаниям идентификации, ни лингвистической практике, и оперирует не именами объектов, а сложными концептами. Я даю анализ таким концептам в интенциональной логике Монтегю. Она используется и при описании логики отношения именованности. С помощью индексации ситуаций и агентов удаётся показать, при каких обстоятельствах выбираются случаи прозрачного и непрозрачного именованности при передаче установок агентов. В частности, идиолектное *de re* носителя установки должно замещаться прозрачным именованнием передающего, как и идиолектное *de dicto*. Непрозрачное именованние уместно лишь прагматически, а именно, в случаях, когда требуется осуществить взаимодействие с носителем идиолекта, не обращаясь к уточнению и коррекции именованности, а также при использовании знаковых комплексов явно, т. е. в сочетании с предикатами «именовать», «обозначать» и пр. Это показано и на примере контрафактического именованности, в ходе которого возникает динамический эффект модификации языковой конвенции. Идентификация на основании когнитивного взаимодействия агента с объектом рассматривается как нередуцируемое основание отношения именованности.

Ключевые слова: отношение именованности, интенционал, жёсткий десигнатор, *de re*, контекст.

Ivan Mikirtumov

THE LOGIC OF THE NAMING RELATION AND IDENTIFICATION

Abstract. In this article I want to show that trans-world identification is based on a naming relation, requires deictic referents of situations for its description, and can be expressed using *de re* terms. The theory of rigid designators is not adequate to either the cognitive foundations of identification or linguistic practice, and operates not with the names of objects, but with complex concepts. I analyze such concepts in Montague's intensional logic. It is also used to describe the logic of the naming relation. Using the indexing of situations and agents, it is possible to show under what circumstances the cases of transparent and opaque naming are

¹*Микиртумов Иван Борисович* — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ivan Mikirtumov, D.Sc., professor, Department of Logic, Saint Petersburg State University.
i.mikirtumov@spbu.ru

²Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-00895 «Логическое исследование сигнификативных явлений: семантика и прагматика» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Автор благодарен Евгению Борису за обсуждение ряда идей этой статьи.

selected when reporting the attitudes of agents. In particular, the idiolectal *de re* of the attitude holder must be replaced by a transparent naming of the reporter as well as the idiolectal *de dicto*. Opaque naming is appropriate only pragmatically, namely, in cases when it is required to interact with the idiolect speaker without addressing the specification and correction of naming, as well as when using sign complexes explicitly, i.e. in combination with the predicates “to name”, “to designate”, etc. This is also shown by the example of counterfactual naming, in which the dynamic effect of modifying the language convention arises. Identification based on the cognitive interaction of an agent with an object is considered as an irreducible basis for a naming relation.

Keywords: naming relation, intension, *de re*, rigid designators, context.

Отношение именованя связывает знаковые комплексы с объектами онтологии. Используя язык, мы предполагаем такого рода связи по большей части устойчивыми, но, во-первых, можем использовать их ошибочно, во-вторых, можем их модифицировать. Знание о том, как выражения обозначают вещи, имеет различное происхождение, но, по-видимому, в его основании лежит непосредственный когнитивный контакт с вещами в ситуациях присвоения им имён, а также последующая коллективная практика использования имён для указания или упоминания вещей. Дейктическая функция языка хорошо отделима от символической, и употребление выражений *de re* остаётся наиболее доступным нам способом идентификации. Парадоксальным образом семантика *de re* термов оказывается весьма непростой, а в соединении с использованием соответствующих выражений при анонсировании агентами своих эпистемических установок или при сообщении об эпистемических установках других агентов она ставит целый ряд вопросов. В этой статье я хочу представить некоторые идеи логики отношения именованя, которая призвана показать специфику этого отношения в отличие от предикации, а также выявить некоторые логические черты появления предиката именованя в языке-объекте. Я буду отталкиваться от теории жёстких десигнаторов Саула Крипке и покажу, какими объектами являются денотаты жёстких десигнаторов. Этот анализ станет мотивом для описания особой шкалы идентификации, отличной от шкалы референции. При описании идей логики отношения именованя я использую общую интенциональную логику в стиле Ричарда Монтегю (Montague 1973). Проблемы и примеры, которые будут обсуждаться, связаны с различием между «метафизической» и «эпистемической» модальностями у Крипке в аспекте их связи с именованем (Ninan 2019), а также с вопросом о прозрачности и непрозрачности употребления, в частности, имён собственных в сообщениях об эпистемических установках, обсуждаемых в работах (Romoli, Sudo 2009; Schwager 2009; Sudo 2014).

1. На что указывают жёсткие десигнаторы

Как известно, в теории жестких десигнаторов Саула Крипке (Kripke 1980) имя собственное обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах. Это положение вызывало и вызывает дискуссии³, поскольку выражение «один и тот же» указывает на тождество, а последнее требует совпадения всех свойств отождествляемых объектов, что для объектов их разных миров представляется невозможным. В самом деле, если существуют два возможных мира, то это значит, что они различимы, а для этого требуется, чтобы существовал по крайней мере один факт, который истинен в одном мире и ложен в другом. Этот факт, в свою очередь, порождает различие в свойствах и отношениях объектов, которые образуют его структуру в том мире, в котором он имеет место, и не образуют её в том мире, где он не имеет места. Поскольку разнообразные отношения определены между всеми объектами конкретного мира, изменение свойств одного из них будет означать как возникновение каких-то новых отношений с любым из других, так и исчезновение каких-то прежде существовавших. Например, если Дональд Трамп в одном мире телеведущий, а в другом мемуарист, то, например, шоу, в котором он участвует, теряет свойство «быть шоу Трампа», зато кипа рукописей и фотографий приобретает свойство лежать в ящике его стола. То же самое можно сказать и о любом другом объекте, хотя бы и о Луне, по отношению к которой Трамп, сменив в другом мире род занятий, изменил характер своих пространственных перемещений. Иными словами, никакие объекты из двух различных миров не могут находиться в отношении тождества в его нормальном понимании.

Что же имеется в виду под «быть одним и тем же», если в теории жёстких десигнаторов тождество должно всё-таки присутствовать⁴? Для этого следует ответить на вопрос о том, что остаётся «одним и тем же» при переходе от мира к миру, когда мы привычным образом используем собственное имя для десигнации меняющегося от мира к миру объекта. Сам объект на роль основания тождественности не подходит, поскольку от мира к миру неизбежно меняет те или иные свои свойства и, если остаётся «одним и тем же», то лишь в отношении тех свойств, которые не меняются, и которые служат основанием для устойчивой идентификации. Это, кажется, очень естественным основанием для принятия теории двойников Дэвида Льюиса (Lewis 1968). Когда не остаётся и таких свойств, то множество изменений порождает проблему корабля Тесея. По-видимому, ответ на вопрос о смысле выражения «один и тот же» следует искать не на уровне объектов. Вещи известны нам как изменяющие свои свойства и отношения с другими вещами, в то время как сами свойства и отношения от мира к миру меняют свои экстенционалы, но сохраняют интенционалы. Лишь вещи при этом могут возникать и уничтожаться, и

³Статья в Стэнфордской философской энциклопедии может дать о ней почти полное представление (LaPorte 2016).

⁴Евгений Борисов в своей логике трансмировых предикатов настаивает на этом (Борисов 2019).

каждая имеет свою историю. Когнитивный механизм отождествления нами вещей при переходе от мира к миру опирается на отождествление нами нашего Я, относительно устойчивости которого возможна фиксация изменений чего-то другого. Вещи имеют различную природу, поэтому отождествление того, что можно увидеть, требует длящегося зрительного восприятия мной, то, что доступно осязанию, должно быть удерживаемо в контакте с моим телом, звуки должны продолжать звучать, запахи и вибрации — восприниматься соответствующими чувствами. Отвлекаясь от некоторого длящегося восприятия, я предполагаю, что, удерживая его во внимании, я был бы свидетелем всё того же присутствия воспринимаемого. Наши собственные тело и сознание и их изменяющиеся состояния на фоне тождественности Я порождают матрицу идентификации, которая определяет её рамки и одновременно черты того, что может быть в ней схвачено. Благодаря этому мы умеем идентифицировать возникающее и исчезающее, например воспламенение и затухание огня, замерзание воды и таяние льда, длящиеся звуки и запахи, происходящие от одного или нескольких объектов и т. д. Во всех случаях идентификации действует некоторая интуиция свидетельства, заслуживающая такого названия, поскольку она предлагает нам идентификацию посредством указания на то, что между двумя мирами, например, тем, в котором мы засыпаем и тем, в котором просыпаемся, существует в некотором смысле непрерывная цепочка контрфактических миров, в которых мы, бодрствуя, удерживаем с отождествляемыми объектами адекватный им когнитивный контакт.

Всё это становится ясным вследствие повторяющейся практики идентификации, т. е. когда мы привыкаем к тому, что у вещей и явлений есть история, что они возникают, изменяются и исчезают. Не все вещи и явления попадают в число того, что мы можем идентифицировать, но лишь, скажем так, человекоразмерные, т. е. доступные непосредственному восприятию и устойчивые для него во времени и (или) пространстве. Мы знаем идентифицируемые объекты так, как они даны нам в том или ином конкретном мире и, одновременно, в их трансформациях от мира к миру, что обеспечивается интуицией свидетельства. Это даёт нам основание говорить об объектах как о настоящих, прошлых или будущих, приписывая им не только текущие, но и возможные свойства и отношения, причём с любым уточнением характера точек шкалы, в которых они актуализируются. Если раньше Трамп был ведущим шоу, а завтра, вполне возможно, станет мемуаристом, то сегодня можно утверждать, что Трамп — это бывший ведущий шоу и возможный в будущем мемуарист. Воспроизводя этот приём для всех объектов, свойств и отношений, мы получим такую характеристику каждого объекта, в которой будут описаны все его свойства и отношения в каждом из миров, а также все их возможные комбинации. Так, если Трамп — это бывший ведущий шоу и будущий мемуарист, то она обладает также свойством «быть тем, кто стал мемуаристом из ведущего шоу», а если он при этом стал меньше весить, то и свойством «быть тем, кто похудел». Теперь имя собственное — «Трамп» — указывает в актуальном

мире на объект, обладающий набором признаков, каждый из которых содержит отсылку к миру, в котором он имеет место. Эта характеристика не так проста, как может показаться, и ниже я к ней вернусь.

Теперь же следует остановиться на вопросе о верификации признаков объекта. Конечно, для формального конструирования не важно, как проверяется наличие у объекта свойств, но различение свойств прошлых, настоящих, будущих и возможных может быть достаточно надёжно проведено с использованием процедурной, или конструктивной, по своему характеру процедуры верификации в текущем мире. Говоря, что объект обладает свойством в текущем мире, мы имеем в виду, что у нас есть доступ к объекту и что нам известна потенциально осуществимая процедура верификации свойства. Трамп, являющийся президентом в момент времени t , обнаруживает это свойство в этот момент существенно иным способом, нежели свою работу в шоу в прошлом или возможную будущую роль мемуариста. Исследование прошлого превращается в поиск свидетельств и улики, т. е. в работу с актуальными фактами, которые имеют вероятностную связь с фактами прошлого, что находит выражение в постулатах значения, используемых в ходе интерпретации. Так, работа в шоу на телевидении в прошлом означает, что в неких документах сделаны некие записи, что какие-то люди совершали какие-то действия, следы которых также сохранены в записях (на бумаге или в файлах), а также что, возможно, имеются сообщения очевидцев прошлых обстоятельств. В отношении будущего имеет место иная ситуация. Здесь выдвигаются гипотезы и взвешиваются вероятности. Не вдаваясь в детали, зафиксируем следующее: поскольку свойства, присущие объекту в прошлых, будущих и возможных в любом другом смысле мирах, верифицируются по-разному, объект как куст маркированных свойств может быть построен здесь и теперь полностью лишь в предположении, что мы наблюдали за ним и фиксировали все его актуальные свойства в каждом их миров. Поскольку это лишь возможный частный случай, в случае общем мы имеем дело с объектом, который является кустом неопределённых маркированных свойств. Это значит, что, верифицируя некоторое свойство в актуальном мире, мы предполагаем, что оно могло отсутствовать в прошлом, и может сохраниться или не сохраниться в будущем, а также, что то или иное из отсутствующих свойств могло иметь место в прошлом или появиться в будущем. Здесь, конечно, мы также опираемся на постулаты значения и поэтому, например, не предполагаем, что Трамп в прошлом был кентавром, а в будущем станет астероидом.

Для того чтобы оперировать объектами как кустами маркированных свойств, нам нужен универсальный свидетель, который удостоверяет наличие того или иного свойства в каждом мире, т. е. знает историю объекта. Здесь важно, что конструирование объекта опирается на его свойства в мирах, потому что так мы не только воспроизводим движение интуиции, но и обеспечиваем непротиворечивость. Пусть все предикаты интерпретированы в возможных мирах, и постулаты значения отсеивают нерелевантные интерпретации. Теперь любым способом проведём линии

идентификации между объектами разных миров, так чтобы не было ветвления ни назад, ни вперёд⁵, промаркируем свойства мирами и составим список маркированных свойств для каждой линии идентификации. Здесь снова потребуются разнообразные постулаты значения, обеспечивающие согласование «похудеть» с весом Трампа в двух мирах и исключают, например, появление у богатыря новой головы на месте отрубленной и, наоборот, допускающие это для волшебного дракона.

В предположении, что все такие согласования сделаны, мы можем получить совокупность объектов, которые остаются «одними и теми же» во всех возможных мирах и, как кажется, корректно выполняют роль денотатов жёстких десигнаторов. Здесь не сложно реализовать и ещё одно требование Крипке, а именно чтобы для объектов, которые в том или ином мире ещё, или уже, или временно не существуют, характер десигнации не меняется. В самом деле, среди свойств объекта, которого нет теперь или не было раньше, мы просто не найдём ни одного положительного свойства для тех миров, где его нет. Если Трамп становится автором мемуаров, которые сам напишет, а потом, разочаровавшись в литературном таланте, сожжет в камине, то «быть мемуарами Трампа» до некоторого момента и после какого-то момента — это пустое свойство, а образованный по нему дескриптивный терм не экземплифицирован в некоторых мирах, переходя в которые или покидая их, мы концептуализируем свойства «возникнуть» и «исчезнуть».

Тут уместен вопрос: между чем и чем устанавливается отношение тождества, если в одном мире объект есть, а в другом его нет? И, в конце концов, остаётся непонятным: как объекты проявляют в разных мирах разные свойства, оставаясь тождественными в качестве денотатов жёстких десигнаторов? В самом деле, мы, конечно, можем понимать под именем «Трамп» куст маркированных свойств, зная, что раньше он вел шоу, теперь работает президентом, а завтра станет мемуаристом, но сегодня у Трампа нет ни контракта на студии, ни кипы рукописей, т. е. те свойства, которые мы встречаем в этом мире, являются актуальными и определяют возможности тех или иных взаимодействий с объектом, например, возможность для Трампа отдавать те или иные распоряжения. Тот факт, что мы знаем, что такие взаимодействия были невозможны вчера и будут невозможны завтра, обеспечивает ясное осознание нетождественности Трампа вчерашнего, сегодняшнему и завтрашнему. Иными словами, «быть одним и тем же» денотатом жёсткого десигнатора — это свойство, которое в оптике актуального мира не видно, поскольку объект, каким мы его непосредственно встречаем, от мира к миру меняется. И тогда приходится признать, что жёсткий десигнатор обозначает вовсе не объект, а концепт, характеристику которого следует уточнить.

⁵Ветвящиеся назад или вперёд объекты — это интересный феномен, но я оставляю его в стороне.

2. Объект как куст маркированных свойств

Итак, для того чтобы обеспечить, во-первых, трансмировое тождество денотатов жёсткого десигнатора, во-вторых, возможность возникновения и исчезновения объектов, необходимо рассматривать объект как куст маркированных свойств, а такая трактовка денотата жёсткого десигнатора исключает его отождествление с объектами, находящимися в предметных областях возможных миров, ибо эти объекты от мира к миру меняют свои свойства. Отсюда следует, что жёсткий десигнатор обозначает не объект, а интенциональную сущность.

Каким может быть разнообразие способов задания денотатов жёстких десигнаторов? Вернёмся на шаг назад. Пусть перед нами пока не уточняемый по своим свойствам формализованный типизированный язык с λ -оператором. Его выражения получают значение на структуре миров (шкале) W , образованных каким-то набором параметров соотнесения — положение дел, время, говорящий, ситуация и пр. Между мирами существует линейное отношение достижимости R , каждому миру w сопоставлен непустой домен D_w , индивидов этого мира. На этой структуре задана интерпретация I предикатов, которая определяет значение обычных, или неинтенциональных предикатов, т. е. таких, которые не выражают изменений свойств объектов от мира к миру.

Для не интерпретированного на естественной модели формализованного языка все атомарные формулы друг от друга независимы, поэтому любой набор свойств и отношений объекта возможен. Интерпретированный язык несёт с собой постулаты значения, поэтому возможной оказывается лишь часть комбинаций. Но задать её становится возможным лишь при построении модели для мира w , а именно, используя технику построения множества Линденбаума, где постулаты значения рассматриваются как содержательные аксиомы, добавляемые к формальной аксиоматике первопорядкового исчисления. Так или иначе, мы будем считать, что естественная интерпретация возможна. Относительно неё возможными становятся также те или иные наборы свойств. Пусть перед нами все возможные наборы свойств одного объекта⁶, т. е. все множества, образованные термами вида λxAx , где A — одноместный предикат или его отрицание, такие, что они содержат все одноместные предикаты или их отрицания и множество формул $\{A_1(a), A_2(a), \dots\}$ непротиворечиво. Это наборы, или кусты свойств, характеризующие возможные объекты. Совокупность описанных множеств задаёт для каждого мира множество концептов возможных для него индивидов, которое для w мы обозначим как PD_w . Концепты возможных индивидов — это сущности иного типа, нежели индивиды и индивидные концепты. В терминологии Ричарда Монтегю последние есть имеют тип $\langle s, e \rangle$ (Montague 1973) и являются частичными функциями из W в D_w . Такая функция работает с некоторым набором свойств индивида, для которого в

⁶Предполагаем шейнфинкелизацию, так что n -местные предикаты выразимы через одноместные.

каждом мире подыскивается денотат. При отсутствии такового значение функции не определено. Концепт возможного индивида — это тотальная функция, которая задаёт индивидуальный концепт, дифференцируя его среди иных функций типа $\langle s, e \rangle$, т. е. тип концепта возможного индивида — это $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$. Иными словами, в каждой точке шкалы задаётся свойство, которому должен удовлетворять индивидуальный концепт, что отражает, в частности, его экземплификацию в данном мире. Вариантов задания множество: некоторые возможные индивиды экземплифицированы только в одном мире, другие — ни в одном, третьи — в нескольких, подряд или не подряд, возникая в одном и исчезая в другом, четвёртые существуют во всех мирах, или эти варианты реализуются в любых комбинациях. Следующим шагом является маркирование все предикатов объекта, возможно относительно мира w , как w -предикатов. В этот момент возможный объект становится набором w -свойств. На наборах маркированных свойств определяется частичное 1-1-отношение идентификации ID . Не всякое задание этого отношения идентифицирует наборы свойств, которые мы интуитивно готовы отнести к «одному и тому же объекту», но какие-то определения ID как раз удовлетворяют нашим ожиданиям и связанными в соседних мирах оказываются наборы свойств, отличающиеся ровно настолько, насколько мы ожидаем увидеть отличия при той или иной нормальной трансформации вещей. Фактически мы этим отношением связываем свойства индивидуальных концептов и попутно определяем значения интенциональных предикатов, т. е. таких, которые отражают изменения свойств от мира к миру.

Но ведь трансмировая связь не может быть произвольной, если мы, отталкиваясь от содержания, хотим увидеть «одно и то же» в разных мирах, допуская одни изменения и не допуская другие. Не всякий концепт возможного индивида задаёт то, что мы интуитивно рассматриваем как изменяющийся в мирах индивид. Отделяя нужный концепт от прочих, мы приписываем ему свойства, например, получить первую экземплификацию в таком-то мире, стать ведущим шоу в таком-то, президентом — в третьем, мемуаристом — в четвёртом и т. д. Таким образом, появляется сущность типа $\langle s, \langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle$ — свойство свойств индивидуального концепта (Montague 1973: 228–229). Эта сущность является интенциональной, и её денотатом является функция на шкале, работа которой определяется идентифицированными наборами маркированных мирами свойств, которые привязываются к имени собственному как история трансформаций от мира к миру его предполагаемого референта в каждом мире. Эти референты обладают разными свойствами в мирах, но, собрав все маркированные свойства описанным выше путём, мы получаем интенциональный объект, который от мира к миру не изменяется и потому может быть сопоставлен как денотат имени собственному в его роли жёсткого десигнатора, т. е. выражения, обозначающего «один и тот же» объект во все мирах, в том числе и в таких, в которых у него нет экземплификации на уровне предметной области.

Таким образом, имя собственное выполняет различные функции и в разных ситуациях своего употребления выступает как сущность разных типов. В конкретной ситуации в данном мире имя собственное служит для непосредственного указания на объект и имеет тип e , представляя собой экстенциональное нисхождение жёсткого десигнатора, полученное как функция от параметров шкалы, тогда как в контексте, привлекающем динамику свойств и идентификацию самих вещей, работает сам жёсткий десигнатор как связка наборов маркированных свойств, отражающих историю объекта. Сложность описанной конструкции жёсткого десигнатора искупается тем обстоятельством, что он ведёт себя в полном соответствии с ожиданиями и не вступает в противоречие со свойствами отношения тождества.

Использование одного и того же имени для обозначения индивида здесь и теперь в модусе *de re* и выражения факта жёсткой десигнации *de dicto* не может не ставить вопросов о том, как происходит изменение его типа и не следует ли выработать универсальную версию значения имени, вернувшись к анализу отношению именованья. По-видимому, имена Трампа_e и $\text{Трампа}_{\langle s, \langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle}$ связаны между собой тем, что первое может быть получено из второго означиванием параметров контекста, а второе из первого, абстрагированием от них. Пусть

$\text{Трампа}_{\langle s, \langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle}(w) = \langle \text{Быть связкой наборов маркированных свойств возможного объекта, ассоциируемых с Трампом} \rangle_{\langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle}$.

Если $h_{\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle}$ — такая связка, то

$h_{\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle} = \langle \text{Быть индивидуальным концептом, сопоставляющим имени «Трампа» во всех мирах объекты, обладающие в этих мирах теми свойствами, которые для них маркированы} \rangle_{\langle \langle s, e \rangle, t \rangle}$.

Пусть $g_{\langle s, e \rangle}$ — такой концепт. Тогда $g_{\langle s, e \rangle}(w) = d \in D_w$ или $g_{\langle s, e \rangle}$ не определена на w . В первом случае мы получаем референт «Трампа» в мире w , который может быть *de re* поименован выражением «Трампа» типа e . Во втором случае *de re* именованье невозможно. В этих переходах нам требовались объекты $h_{\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle}$ и $g_{\langle s, e \rangle}$, получить которые можно было, опираясь на знание о том, кто такой Трамп и какие изменения он претерпевает мира к миру. Эта информация содержится в контексте.

В обратную сторону. Пусть некоторый объект в моём присутствии именуется *de re* как «Трампа». Поскольку это выражение опознаётся как имя собственное, из характера употребления и его правил можно заключить, что оно относится к объекту, который на отрезке возможных миров обладает как некоторым набором признаков, позволяющих идентифицировать его от мира к миру, так и свойствами, выражающими характер его изменений на двух ближайших друг к другу мирах, например переходя из определённого мира, где он президент, в ближайший к нему

мир, где он мемуарист, без нарушения идентификации. Кроме того, имя собственное однажды конвенционально присваивается объекту, чтобы, начиная с этого момента, оставаться в употреблении до смены конвенции или до исчезновения объекта. Объект также относится к некоторому виду объектов, а потому можно сделать выводы относительно того, как он меняет свои черты, т. е. исключить неадекватные превращения или отсутствие каких-то обязательных изменений. Всё это может быть представлено как некоторое свойство индивидуального концепта $g_{\langle s, e \rangle}$ для каждого возможного мира. Так мы получаем $h_{\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle}$. Если считать, что жёсткий десигнатор должен обозначать «один и тот же» объект во всех мирах, в том числе в таких, где объект отсутствует, то для его характеристики понадобится собрать все его свойства в этих мирах и маркировать их. Так мы получаем конкретную связку маркированных свойств для Трампа, которая обладает свойством, выраженным концептом типа $\langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$, а именно таким, которое делает её адекватной контекстным требованиям идентификации одного только Трампа и не подходящей ни для какого другого объекта. Задать такое свойство в каждом мире должен жёсткий десигнатор $\text{Трам}p_{\langle s, \langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle}$, причём во всех мирах задаётся одно и то же свойство, иначе не будет выполнен принцип «один и тот же объект».

Сопоставим каждому предикату языка множество *маркированных предикатов* $P^W = \{P^{w_1}, P^{w_2}, \dots\}$, так что $\llbracket P \rrbracket_{M, w} = \llbracket P^w \rrbracket_M$. Пусть такие предикаты соответствуют маркированным свойствам, например «быть P в такой-то момент времени, в такой-то точке пространстве, при таких-то обстоятельствах и пр.». Для каждого мира w образуем множество возможных объектов, задав каждый из них как свойство $\lambda x(\gamma_1 \wedge \dots \wedge \gamma_n)$, где $\gamma_1, \dots, \gamma_n \in \Gamma$ — максимальному и непротиворечивому множеству содержащих только w -предикаты формул, с единственным параметром x . Сущности вида $\lambda(\gamma_1 \wedge \dots \wedge \gamma_n)$ для w будем обозначать как $\lambda x\{A, w\}$, где A выражает соответствующий набор свойств.

Определим теперь жёсткий на мирах $w_1 \text{—} w_k$ десигнатор T как выражение, имеющее своим референтом *тождественный на этих мирах* объект t , обладающий свойством $\lambda x(\{A_m, w_1\} \wedge \dots \wedge \{A_n, w_k\})$, которое обозначим как $\lambda x\{A, W\}$. Такой объект строится путём композиции произвольно выбранных возможных объектов миров $w_1 \text{—} w_k$, так что в каждом из этих миров он обладает свойствами соответствующего возможного объекта этого мира. Предикаты, отражающие динамику свойств объекта от мира к миру, получают интерпретацию в качестве логических следствий комбинирования свойств маркированных разными мирами. В общем случае нет никаких ограничений на построение тождественных объектов описанным выше образом, но очевидно, что некоторые тождественные объекты не будут удовлетворять содержательным представлениям об использовании имён собственных, т. е. постулатам значения, а другие не будут соответствовать информации контекста. Именно поэтому выше при анализе типа жёсткого десигнатора мы имели дело с двумя типами свойств.

Связь между термом *de re* и соответствующим жёстким десигнатором можно

выразить следующим правилом (выражения вида $a_{\langle s, \langle \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle}$ будем обозначать как a^{rd}):

По всякому a_e , такому, что $\llbracket a_e \rrbracket_{M, w, c} \in D_w$, где c — параметр контекста, можно построить множество a^{rd} , для каждого из которых если $\lambda x \{A, w\}(a) = 1$, то $\lambda x \{A, w\} \in \lambda x \{A, W\}$, при том что контекст c задаёт видовые ограничения на жесткие десигнаторы, используя постулаты значения, и индивидуальные спецификации, вводя эмпирические данные.

Если a^{rd} определено на $w_1 \dots w_k$, то с использованием информации контекста c можно для всякого w из набора w_1, \dots, w_k либо указать $d_e \in D_w$, допускающий *de re*-именование посредством a в ситуации, являющейся компонентом c , либо установить, что это невозможно.

Оставляя в стороне детали того, как жёсткие десигнаторы работают с несуществующими в мирах объектами, я хочу теперь перейти к анализу ситуаций, которые заставляют появиться содержащимся в контексте фактам отношения именованья. Это позволит, во-первых, выяснить границы применимости жёстких десигнаторов, во-вторых, нащупать логику отношения именованья.

3. Прозрачные и замутнённые имена

Теория жёстких десигнаторов Крипке имеет дело с «метафизическими» модальностями, которые противопоставляются «эпистемическим». Здесь всякое тождество собственных имён становится необходимым, поскольку состояние знаний и отношение именованья предполагаются неизменными. На этих же условиях основывается и обычная прозрачность имён, позволяющая использовать их не оговаривая специально ни семантику, ни контекст. Это делает само отношение именованья доступным как идентификации, так и анализу как раз в случаях динамики знаний и неуниверсального характера именованья, т. е. столкновения социолектов и идиолектов.

Для описания этих явлений воспользуемся логикой отношения именованья — LN. Язык LN — это язык общей интенциональной логики в стиле Монтегю, расширенный переменными по выражениям языка и дейктическими референтами. Выражения LN интерпретируются в модели на структуре $K = \langle S, A, C \rangle$, где $S = \langle W, T, DR \rangle$ есть множество ситуаций, W — возможные миры, на которых определены те или иные отношения достижимости R ; T — упорядоченные моменты времени; DE — дейктические референты; A — агенты; C — контексты. Дейктическое поле ситуации содержит объекты, доступные в ней именованию *de re*. Для двух различных агентов может иметь место одна и та же ситуация в одном или разных контекстах. Значение параметра контекста определяет, во-первых, идентификацию *de re* употреблений, во-вторых, учёт агентами актов именованья, сделанных другими агентами и языковых конвенций, в-третьих, авторство сообщения об

установке: принадлежит она говорящему или кому-то другому. На S для каждого $a \in A$ задано рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение идентификации дейктических референтов \approx_a .

$d_1^s \approx_{a,e} d_2^{s^*} \Leftrightarrow$ для a когнитивно обоснованно *de re* именование d_1 в s и d_2 в s^* выражением s , где $d_1 \in DR_s, d_2 \in DR_{s^*}$. Будем считать, что в этом случае ситуация s для a трансформируема в ситуацию s^* .

В LN присутствует операция абстракции отношения именованя:

если t — сингулярный терм, то $t = \lambda s \lambda b \lambda a. d(s, a/b) "t"$.

Это определение может быть прочитано так: t обозначает функцию от ситуации и двух агентов, сопоставляющую им дейктический референт ситуации, который агентом установки по сообщению агента анонсирования именован выражением " t ". Иными словами денотат сингулярного термина — это семиотический интенционал, т. е. функция от обстоятельств и агентов именованя в домен. Имена выражений употребляются автонимно, поэтому имеет место переход⁷:

$$[[t]]^{s^*, a^*, b^*, c^*} = [[\lambda s \lambda b \lambda a. d(s, a/b)]]^{s^*, a^*, b^*, c^*} ([["t"]]) = d(s^*, [[a^*/b^*]]^{c^*}) "t",$$

где семантический блок⁸ $\lambda s \lambda a. d(s, [[a/b]]^c)$ запрашивает информацию о ситуации и говорящем в контексте s . Если s задаёт тождество говорящего и носителя установки, то блок принимает вид $\lambda s \lambda a. d(s, a)$, если же нет, то $\lambda s \lambda b \lambda a. d(s, a/b)$.

Рассмотрим сценарий контрфактического именованя: некая Мэри путает Трампа и Байдена, видела в телепередаче грустного Трампа и счастливого Байдена. Мэри сообщает о своих установках:

(1) Я полагаю, что Трамп счастлив.

Для адекватной интерпретации этого выражения следует учитывать как условия ситуации, так и условия контекста:

— в ситуации произнесения Мэри видит человека, которого конвенционально именуют «Байден»,

— Мэри именуется его «Трамп».

Описывая установку Мэри *de re*, можно сказать, что в дейктическом поле Мэри в ситуации произнесения присутствует человек, которого она считает счастливым, и которого принято именовать «Байден», описывая же *de dicto*, мы начинаем с того, что Мэри считает, что существует человек по имени Трамп, что он счастлив, и добавляем, что она называет именем «Трамп» Байдена. Здесь следует либо

⁷Подобный «мосту» в работе (Yalcin 2019).

⁸В понимании, которое предлагается процедурной трактовкой семантических объектов, каждая единица, получаемая при рекурсивном определении значения представляет собой программный блок (см.: Moschovakis 2006). Я придерживаюсь этой трактовки интенциональных объектов (см.: Микиртумов 2006).

упомянуть, что она видела последнего в телепередаче и приняла его за Трампа, что возвратит нам *de re*, либо не сказать об этом, что сделает указание Байдена результатом общей языковой конвенции. В (1) нельзя поставить «Байден» вместо «Трамп», поскольку высказывание сформулировано на идиолекте Мэри⁹, тогда как следующие суждения по-разному, но приемлемы:

- (2) Мэри полагает, что Трамп счастлив.
 (3) Мэри полагает, что Байден счастлив.

В случае (2), передавая установку Мэри, мы используем её идиолект, так что коммуникация с Мэри возможна, хотя бы мы и считали, что Мэри принимает Байдена за Трампа. Во втором случае возможна коммуникация с теми агентами, которые осведомлены о проблемах именованья у Мэри, но не с самой Мэри. Информация, описывающая эти обстоятельства, не является семантической, поскольку источник отношения именованья представляет собой внешнее эмпирическое условие. Поэтому я отношу его указание к контексту. В целом, использование сингулярных термов требует не только раскрытия отношения именованья, но и указания говорящего, который может именовать объекты сам, а также воспроизводить именование других агентов применительно к объектам, находящимся в его дейктическом поле. В этой системе отношений становится более ясным значение выражений «она утверждает нечто об объекте, который я называю так-то». Я исхожу из того, что использование сингулярных термов всегда требует ответа на вопрос о том, кто говорит, и чья система именованья используется, поэтому использование имени собственного несёт сообщение об установке именованья, что делает сингулярные термы всегда контекстно зависимыми. Пусть при определении значения (1) ситуация и контекст соответствуют описанным, а индексальное «я» снимает контекстную неопределённость. Избыточные параметры опускаем:

$$\begin{aligned} & \llbracket Bel(\text{я}, \text{Т счастлив}) \rrbracket^{\text{Sc. 1, M/M}} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(\llbracket \text{я} \rrbracket^{\text{Sc. 1, M/M}}, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket \text{Т} \rrbracket^{\text{Sc. 1, M/M}})) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(\text{M}, \llbracket \text{счастлив}(\llbracket d(s, a/b) \text{“Т”} \rrbracket^{\text{Sc. 1, M/M}})) \Leftrightarrow \\ & \lambda s \lambda a (\llbracket Bel \rrbracket(\text{M}, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a/b) \text{“Т”} \rrbracket^{w \in \text{Sc. 1}}))) (\text{M/M}) (\text{Sc. 1}) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(\text{V}, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\text{B} \in \text{DR}_{\text{Sc. 1}} \text{ в } w, \text{ где M обозначает B как “Т”})) \Leftrightarrow \\ & \text{B}^* \in \llbracket \text{счастлив} \rrbracket^v \text{ в любом } v \in s^* \text{ таком, что } wR^{\text{dox}(\text{M})} v, \text{ где } \text{B}^* \in \text{DR}_{s^*} \text{ и } \text{B} \approx_{\text{M, T}} \text{B}^*. \end{aligned}$$

Если подразумеваемый объект конвенционально именуется «Байден», то имеет место следующее:

$$(\lambda s \lambda a (d(s, \llbracket a/b \rrbracket)) \text{“Т”}) (\text{M/M}) (\text{Sc. 1}) = d \in \text{DR}_{\text{Sc. 1}} = (d(s, \text{conv})) \text{“B”} = \text{B}.$$

⁹Случай не аналогичный, но близкий классическому примеру Крипке о Пьере (Крипке 1986).

Сообщение (1) читается прозрачно как в описанном сценарии, так и без него. Это значит, что мы либо корректируем ошибку Мэри для того, чтобы прийти к интендированным ситуацией условиям истинности и к Байдену, либо приписываем Мэри нетипичную оценку реакций Трампа на повороты в его карьере.

Пусть теперь (2) озвучено Джоном, который осведомлён об ошибках Мэри относительно именовании. Это условно приемлемое сообщение об установке, которое, может указать на идиолект Мэри или иметь, например, цель иронии:

$$\begin{aligned} & \llbracket Bel(M, T \text{ счастлив}) \rrbracket^{Sc. 1, D/M} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(\llbracket M \rrbracket, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket T \rrbracket^{Sc. 1, D/M})) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a/b) \text{“}T\text{”} \rrbracket^{Sc. 1, D/M})) \Leftrightarrow \\ & \lambda s \lambda a (\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a/b) \text{“}T\text{”} \rrbracket)))(D/M)(Sc. 1) \Leftrightarrow \\ & \lambda a (\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, D/M) \text{“}T\text{”} \rrbracket)))(Sc. 1) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(B \in DR_{Sc. 1} \text{ в } w, \text{ где } D \text{ обозначает } B \text{ выражением “}T\text{”}, \\ & \text{используемым } M \text{ для } B)) \Leftrightarrow \\ & B^* \in \llbracket \text{счастлив} \rrbracket^V \text{ в любом } v \in s^* \text{ таком, что } wR^{dox(M)}v, \text{ где } B^* \in DR_{s^*} \text{ и} \\ & B \approx_{M, T} B^*, B \approx_{D, B} B^*. \end{aligned}$$

В контексте, в котором известен исход выборов, такая интерпретация (2) соответствует одной из возможных импликатур, что сближает установки относительно именовании с пропозициональными. Можно спросить Джона, не путает ли Мэри Трампа и Байдена, что предполагает конвенциональное употребление имён самим Джоном и, одновременно, означает использование им идиолекта Мэри. Поскольку ироническое прочтение лишь одно из возможных, заимствование идиолекта не становится однозначным решением, что и делает установку непрозрачной.

Ещё одно прозрачное чтение можно получить для (3):

$$\begin{aligned} & \llbracket Bel(M, B \text{ счастлив}) \rrbracket^{Sc. 1, D/D} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \lambda s \lambda a (\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a/b) \text{“}B\text{”} \rrbracket)))(D/D)(Sc. 1) \Leftrightarrow \\ & \lambda a (\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, D) \text{“}B\text{”} \rrbracket)))(Sc. 1) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(B \in DR_{Sc. 1} \text{ в } w, \text{ где } D \text{ обозначает } B \text{ выражением “}B\text{”})) \Leftrightarrow \\ & B^* \in \llbracket \text{счастлив} \rrbracket^V \text{ в любом } v \in s^* \text{ таком, что } wR^{dox(M)}v, \text{ где } B^* \in DR_{s^*} \text{ и } B \approx_{D, B} B^*. \end{aligned}$$

Здесь установка Мэри передана вне связи с использованным ею способом именовании, так что возможен случай, при котором Мэри видела Байдена в телепередаче, но не выяснила, как его зовут. В этом случае её установка связана с фрегевским представлением дейктических референтов, т. е. опирается на дескрипцию, тогда как идентификация через имя собственное в ситуациях, включающих миры Мэри,

задана Джоном. Только в случае, когда когнитивные основания этих идентификаций для Джона и Мэри окажутся различными, построенная Джоном связка действительских референтов не будет соответствовать установке Мэри. Это произойдёт, например, если Мэри узнает, что Трамп покрашен в рыжий цвет, а Байден седовлас. Риск такого рода расхождений при воспроизведении идентификаций другого агента всегда присутствует. Непосредственное прочтение (3) невозможно, поскольку Мэри не называет увиденного ею человека именем «Байден».

В устах Джона сообщение (2) оказывается сложным для интерпретации, а следующее, напротив, очевидным:

(4) Мэри полагает, что тот, кого она принимает за Трампа, счастлив.

Здесь абстракция отношения именованья используется в явном виде и значение (4) устанавливается без заимствования именованья и с ясной идентификацией:

$$\begin{aligned} & \llbracket Bel(M, (\text{тот, кого } M \text{ принимает за } T, \text{ счастлив})) \rrbracket^{\text{Sc. 1, } D/M} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \lambda s(\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, M) \text{“}T\text{”} \rrbracket)))(\text{Sc. 1})(D/M) \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(B \in DR_{\text{Sc. 1}} \text{ в } w, \text{ где } M \text{ обозначает } B \text{ выражением “}T\text{”})) \Leftrightarrow \\ & B^* \in \llbracket \text{счастлив} \rrbracket^v \text{ в любом } v \in s^* \text{ таком, что } wR^{\text{dox}(M)}v, \text{ где } B^* \in DR_{s^*} \text{ и } B \approx_{M, T} B^*. \end{aligned}$$

Рассмотрим интересный по своей прагматике случай (5) в рамках сценария, в котором Мэри называет Байдена Трампом, видела счастливого Байдена, но узнаёт, что рыжеволосый кандидат проиграл выборы. Джон сообщает следующее:

(5) Мэри полагает, что Трамп счастлив, и полагает, что Трамп грустит.

Источники именованья в этом выражении определяются различием между идиолектом Мэри, основанным на употреблении *de re*, и конвенциональным социолектом Джона, работающем *de dicto* и отталкивающимся от эмпирического тождества между «рыжеволосый кандидат» и «Трамп». Эти обстоятельства образуют контекст, определяющий появление разных референтов на позициях двух вхождений имени «Трамп»:

$$\begin{aligned} & \llbracket Bel(M, \text{счастлив}(T) \wedge \text{грустен}(T)) \rrbracket^{\text{Sc. 2, } D/M} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket T^{\text{Sc. 2, } D/M} \rrbracket) \text{ и } \llbracket \text{грустен} \rrbracket(\llbracket T^{\text{Sc. 2, } D/M} \rrbracket)) \rrbracket \Leftrightarrow \\ & \llbracket Bel(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a) \text{“}T\text{”} \rrbracket^{\text{Sc. 2, } D/M}) \text{ и } \llbracket \text{грустен} \rrbracket(\llbracket d^\dagger(s^\dagger, a^\dagger) \text{“}T\text{”} \rrbracket^{\text{Sc. 2, } D/M})) \rrbracket \Leftrightarrow \\ & \lambda s^\dagger \lambda a^\dagger \lambda s \lambda a \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, a) \text{“}T\text{”} \rrbracket(\text{Sc. 2})(D/M)) \text{ и} \\ & \quad \llbracket \text{грустен} \rrbracket(\llbracket d^\dagger(s^\dagger, a^\dagger) \text{“}T\text{”} \rrbracket(\text{Sc. 2})(D/M))) \Leftrightarrow \\ & \lambda s^\dagger \lambda a^\dagger \lambda s \lambda a \llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(\llbracket d(s, M) \text{“}T\text{”} \rrbracket(\text{Sc. 2})) \text{ и} \\ & \quad \llbracket \text{грустен} \rrbracket(\llbracket d^\dagger(s^\dagger, D) \text{“}T\text{”} \rrbracket(\text{Sc. 2}))) \Leftrightarrow \end{aligned}$$

$\llbracket Bel \rrbracket(M, \llbracket \text{счастлив} \rrbracket(B \in DR_{Sc.2} \text{ в } w, \text{ где } M \text{ обозначает } B \text{ выражением "Т"})) \text{ и}$
 $\llbracket \text{грустен} \rrbracket(T \in DR_{Sc.2}^\dagger \text{ в } w, \text{ где } D \text{ обозначает } T \text{ выражением "Т"}) \Leftrightarrow$
 $B^* \in \llbracket \text{счастлив} \rrbracket^v \text{ в любом } v \in s^* \text{ таком, что } wR^{\text{dox}(M)}v, \text{ где } B^* \in DR_{s^*} \text{ и } B \approx_{M, T} B^*,$
 $\text{ и } T^\dagger \in \llbracket \text{грустен} \rrbracket^v \text{ в любом } v \in s^\dagger \text{ таком, что } wR^{\text{dox}(M)}v, \text{ где } T^\dagger \in DR_{s^\dagger} \text{ и } T \approx_{D, T} T^\dagger$

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое состоит в том, что при передаче установки Мэри, возникшей в ходе знакомства с дейктическим референтом, мы должны использовать идиолект Мэри, но игнорировать его при интерпретации, поскольку он может отклоняться от конвенционального использования имён, тогда как при передаче её установки, в которой фигурирует дескрипция того же объекта, мы используем конвенциональное для него *de re* вопреки дескриптивным терминам Мэри. Второе обстоятельство касается описания доксистических альтернатив Мэри и именовании в них. Хотя миры Мэри достижимы для Джона иначе, нежели для самой Мэри, и мы не можем приписать Джону гетероэпистемические установки, работа с дейктическими референтами и их идентификация от мира к миру рассматривается как семантическая, т. е. прозрачная для агентов. Иными словами, Джон не видит доксистических альтернатив Мэри, но видит способ идентификации объекта через миры таких альтернатив, так что идентификация оказывается для Мэри заданной Джоном потенциально. Если вдруг Мэри обнаружит свою ошибку в именовании, её идентификация Трампа всё равно будет идти по линиям, проведённым Джоном. Один агент является здесь свидетелем идентификации как таковой, вне связи с другим агентом, но как бы префигурируя это отношение.

Описанные изменения или сдвиги отношения именовании связаны с целью, которая ставится перед сообщением о пропозициональной установке и с обстоятельствами её реализации. Взаимодействие с агентом, в ходе которого не ставится задача коррекции его идиолекта, отличается от случаев, когда третьим лицам необходимо знать, какие объекты вовлечены в установки агента, и при этом не имеет значения, какая система их именовании используется. Пусть в новом сценарии Мэри видит счастливого победителя в окружении его собак и решает заказать их фото в ближайшем книжном магазине:

- (6) Мэри: Я бы хотела приобрести фото собак Трампа.
 Продавец — своему шефу: Тут дама желает приобрести фото собак Трампа.
 Шеф: У Трампа нет собак.
 Продавец: Видимо, она думает, что есть. Что мне её сказать?
 Шеф: Она имеет в виду собак Байдена. Их фото там справа на полке.
 Продавец: Но говорит-то она о собаках Трампа.
 Шеф: Собаки Байдена справа на полке, Трамп не имеет значения.
 Продавец — Мэри: Пожалуйста, вот фотография, которую Вы хотели.

Здесь [[собаки Трампа]]^{Sc. 3, M/M} и [[собаки Трампа]]^{Sc. 3, Шеф/M} означают собак Байдена, а [[собаки Трампа]]^{copv, Продавец/Продавец} не имеют дейктического референта. При этом коммуникация Джона с работниками магазина была бы успешнее при выборе им фразы (7), нежели (8):

- (7) Мэри хочет приобрести фото собак Байдена.
- (8) Мэри хочет приобрести фото собак Трампа.

Игнорирование идиолекта при передаче установки прагматически эффективнее его воспроизводства и позволяет получить верное дискурсивное значение, обеспечивающее успешность коммуникации (Rothschild, Yalcin 2016). Значение семантическое при этом играет роль модификатора контекста.

4. Контрфактическое именование и идентификация

Более точное описание установок агента, в котором факты именованья были бы показаны явно, требуется там и тогда, где само именование становится реальным предикатом объектов. При этом имена перестают быть прозрачными теперь уже не в силу сдвига источника именованья, а в связи с возникновением вопроса о нём. Так, например, если Мэри составляет список счастливых людей и каждому попадающему в него направляет открытку, то, занося туда имя «Трампа», она создаёт обстоятельство, существенно затрудняющее возможность передачи её установки фразой (3). Оно затрудняется ещё больше, если секретариат Мэри начинает выяснять, по какому адресу следует направлять открытку владельцу собак на фото, имя которого Трамп. Иными словами, практика, предполагающая сигнификацию, требует как разрешения коллизий именованья, так и явного его раскрытия.

В связи с этим следует рассмотреть случай контрфактического именованья:

- (9) Если бы Трампа звали Байден, он получал бы письма, которые начинались бы словами «Дорогой мистер Байден».

Прежде всего, следует отметить, что местоимение «он» провоцирует задать вопрос «кто — он?», который возникает, конечно, по ассоциации с гораздо более употребительными контрфактическими контекстами, например «если бы Трамп жил в Африке и был вождём племени», «если бы Трамп был Камалой Харрис», «если бы Трамп был астероидом» и пр. Здесь речь идёт о том, что объект сохранил бы своё именование, но сменил бы свои свойства, в то время как контрфактическое именование имеет дело сначала с изменением способа обозначения и лишь затем с реальными, но особыми следствиями, которые отсюда происходят¹⁰. В (9) «он» получает значение от «Трампа» как антецедента анафоры, и

¹⁰Существует очевидная связь между знаковыми системами и материальными явлениями. Вы-

контрфактическое предположение ничего здесь не меняет, поскольку речь идёт о дейктическом референте имени «Трамп», которое, вследствие принятия указанного предположения, утрачивает нормальную прозрачность. Как следствие, в (9) мы интерпретируем «Трамп» не как конститuentу той или иной пропозиции, но как «объект, обозначенный именем „Трамп“». Такой эффект вызывает в контексте предикат именования, осуществляющий коэргию абстракции отношения именованя.

Здесь я возвращаюсь к исходному пункту, т. е. к вопросу об идентификации и жёстких десигнаторах. Представленная выше версия этой теории предполагает оперирование не объектами, а комплексами маркированных свойств. Каждый такой комплекс, во-первых, укоренён в *de re* употреблении в какой-то ситуации, во-вторых, является либо полным по перечню свойств, либо отчасти или полностью «чистым». В первом случае мы имеем дело со всей историей объекта, записанной как способ его задания и идентификации. Во втором случае, отталкиваясь от дейктического референта в ситуации, мы можем предполагать, что в мирах прошлого, будущего или в мирах контрфактических объект обладает теми или иными свойствами, отличными от текущих, или же обладает имеющимися свойствами в другой степени интенсивности, но не знаем, где, когда и какими именно. Жираф, которого мы встречаем здесь и теперь, гулял где-то вчера и будет гулять где-то завтра, единорог, которого ищет Джон, где-то скрывался вчера, продолжает скрываться сегодня, но, возможно, будет пойман завтра. Иными словами, объект как куст маркированных свойств образован скорее переменными для свойств, которые означиваются в каждом мире, вследствие чего нисхождение в дейктическое поле ситуации, т. е. употребление *de re* эмпирически происходит лишь *post factum*, и никакого куста маркированных свойств в реальности нет, есть лишь его проект, опирающийся на возможность выявить свойства объекта в каждом новом мире, идентифицируя вовсе не по схеме жёсткой десигнации. Денотаты жёстких десигнаторов заданы подходящими означиваниями переменных второго порядка, что не наносит ущерба теории Крипке, но избавляет жёсткие десигнаторы от необходимости быть укоренёнными в ситуации. На мой взгляд, это не адекватно семиотической практике и лишает нас инструментов для анализа смещений отношения именованя.

Значение собственного имени в ситуации для агента определим следующим образом:

$$\llbracket \text{Трамп} \rrbracket^{s,a} = d \in DR^{s,a}, \text{ и существуют } s^* \leq s, \text{ агент } b \text{ и } d^* \in DR^{s^*,b}, \text{ и } d^* \approx_{a, \text{Трамп}} d;$$

b может быть отождествлён здесь с a как его проекция.

бор той или иной системы знаков, назначение и смена имён оборачиваются теми или иными издержками по воплощению обозначений, по перекодировке и хранению. Маркус Крахт был, кажется, первым, кто подробно исследовал корреляцию знаний, в том числе и сигнификативных, с материальным миром (Kracht 2017).

Здесь имеется ситуация, в которой отношение именованья впервые возникает, будучи инициированным одним агентом, имеется ситуация, в которой оно воспроизводится другим агентом в предположении, что дейктические референты исходной и текущей ситуаций идентифицируются. Это делает имя собственное связкой идентифицируемых агентом дейктических референтов, которая работает как функция от ситуации и агента, значение которой — их дейктический референт. Мы пренебрегаем тем обстоятельством, что нахождение объекта в дейктическом поле в текущей ситуации может не сохраниться в следующей и вновь вернуться в новой, так что дейктический референт можно привязать к группе ситуаций, рассматриваемых как окрестности друг друга. Отсюда

$$\llbracket \text{Трамп} \rrbracket = \lambda s \lambda a (d_1 \in DR^{s_1, a}, d_2 \in DR^{s_2, a}, \dots, \& d_1 \approx_{a, \text{Трамп}} d_2 \approx_{a, \text{Трамп}} \dots),$$

где $s_k \leq s_{k+1}$.

Абстракция отношения именованья показывает текущее употребление имени, вводит в язык обозначение для дейктического референта ситуации и разрушает, тем самым, прозрачность именованья:

$$\llbracket \text{Трамп} \rrbracket^{s, a} = d \in DR^{s, a} = \llbracket d(s, a) \text{“Трамп”} \rrbracket.$$

Выражение «имя Трампа» в (9) отсылает к переменной, остающейся после того, как дейктический референт найден, а имя от него абстрагировано:

$$\begin{aligned} \llbracket \text{Имя Трампа} \rrbracket^{s, a} = \\ \llbracket \text{Имя} \rrbracket (\llbracket d(s, a) \text{“Трамп”} \rrbracket^{s, a}) = \\ \llbracket \text{Имя} \rrbracket (d, \text{ где } d \in DR^{s, a} \text{ и обозначается } a \text{ выражением “Трамп”}) = \\ x \text{ такой, что } d^*(s^*, a) \text{“}x\text{” и } d \approx_{a, x} d^*. \end{aligned}$$

Таким образом, $\llbracket \text{имя } A \rrbracket$ есть параметрическая функция, сопоставляющая референту сингулярного термина текущей ситуации выражение языка, обозначающее этот же референт в другой ситуации. Но формулировка «имя A есть B », где A и B различны, осуществляет коэрицию ситуации произнесения к обновлению языковой конвенции (возможно, не расширяющей её). Пусть $\text{conv-1}(\text{“}A\text{”}/\text{“}B\text{”})$ есть результат модификации языковой конвенции за счёт замещения всех вхождений “ A ” на позиции *de re*-терма на “ B ”, а также соответствующим замещением “ B ” на новое выражение “ B^\dagger ”. Тогда:

$$\llbracket \text{имя } A = B \rrbracket^{s, \text{conv-1}} = \mathbf{1} \Leftrightarrow d(s, \text{conv-1}) \text{“}A\text{”} \approx_{\text{conv-1}} d^*(s^*, \text{conv-2}) \text{“}B\text{”},$$

где $\text{conv-2} = \text{conv-1}(A/B)$,

например

$$\llbracket \text{Имя Айн Рэнд — Алиса Розенбаум} \rrbracket^{s, \text{conv-2}} = \mathbf{1} \Leftrightarrow$$

$$(d(1957, \text{conv-2}))(\text{“Айн Рэнд”}) \approx_{\text{conv-2}} (d^*(1920, \text{conv-1}))(\text{“Алиса Розенбаум”}).$$

Первое имя собственное в конструкции рассматривается как основание идентификации вне зависимости от временной направленности и соотношения реального и контрафактического. По имени прошлой или контрафактической конвенции можно задать идентификацию в настоящем и действительном не хуже, чем в обратном порядке.

Содержание (9) состоит в модификации конвенционального именованя в контрафактическом мире, при котором имя одного объекта переходит к другому. При этом первый также приобретает новое имя, о котором, правда, не говорится. Переход в контрафактический мир предполагает минимальные изменения по отношению к исходному, в том числе и в способах именованя, поэтому можно считать, что текущая конвенция модифицируется вместе с соответствующими материальными отношениями, т. е. с содержанием вывесок, статей, документов и произносимых фраз. Здесь очевиден динамический эффект, близкий тому, который описывает Дилип Нинан в своём анализе десигнации дескрипций, приближающихся по своей интенции к именам собственным (Ninan 2019), но выведенный у нас в плоскость именованя. Анализ (9) таков:

$$\begin{aligned} & \llbracket (\text{имя}(T) = \text{“Б”}) \rightsquigarrow_{\text{cntr}} R(T) \rrbracket^{s, \text{conv-1}} = \mathbf{1} \Leftrightarrow \\ & \llbracket (\text{имя}(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) = \text{“Б”}) \rightsquigarrow_{\text{cntr}} R(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) \rrbracket^{s, \text{conv-1}} \Leftrightarrow \\ & \text{во всех ближайших к } w \in s \text{ мирах}^{11} v \in s^* : \\ & \llbracket (\text{имя}(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) = \text{“Б”}) \wedge R(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}} \Leftrightarrow \\ & \llbracket \text{имя}(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) = \text{“Б”} \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}} \wedge \llbracket R(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}} \Leftrightarrow \\ & d(s, \text{conv-1})\text{“Т”} \approx_{\text{conv-1}, T} d^*(s^*, \text{conv-2})\text{“Б”} \ \& \ \llbracket R \rrbracket(\llbracket (d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}}) \Leftrightarrow \\ & d(s, \text{conv-1})\text{“Т”} \approx_{\text{conv-1}, T} d^*(s^*, \text{conv-2})\text{“Б”} \ \& \ R(d^*(s^*, \text{conv-2})\text{“Б”}). \end{aligned}$$

Обращу внимание на условие и переход:

$$\begin{aligned} & \llbracket \text{имя}(d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) = \text{“Б”} \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}} \Leftrightarrow d(s, \text{conv-1})\text{“Т”} \approx_{\text{conv-1}, T} d^*(s^*, \text{conv-2})\text{“Б”} \\ & \llbracket (d(s, \text{conv-1})\text{“Т”}) \rrbracket^{v, s^*, \text{conv-2}} = d^*(s^*, \text{conv-2})\text{“Б”} \end{aligned}$$

Первый отражает работу $\llbracket \text{имя } A \rrbracket$ как функции, сдвигающей ситуацию, второй — как обусловлен обновлением информации контекста, который несёт с собой (9).

5. Заключение

Представленный очерк логики отношения именованя как интенциональной логики имел своей целью показать, что сигнификация осуществляется по шкале,

¹¹Будем считать, что интерпретация контрафактического следует идее Дэвида Льюиса (Lewis 1973). См. также (Тискин 2019: 97).

отличной от шкалы предикации. Если рассмотренная в начале статьи теория жёстких десигнаторов требует, чтобы таковые обозначали объект, имеющий вид куста маркированных свойств, т. е. концепт весьма непростого типа, то в LN мы имеем дело только с дейктическими референтами *de re* термов в ситуациях и именованья агентами. Перенесение на агента компетенций идентификации представляется содержательно наиболее приемлемым, поскольку отношение идентификации выражает специфический когнитивный контакт между агентом и объектом, который всегда зависит от особенностей того и другого, так что устойчивым оказывается лишь результат — сам факт идентификации. Его следует считать сигнификативным, но, вместе с тем, отражающим пропозициональную установку особого типа, а именно, выражаемую фразой «имя *A* есть *B*» в случаях, когда её употребление вынуждает к переходу к обновлённой конвенции именованья.

С помощью индексации ситуаций и агентов удаётся показать, при каких обстоятельствах выбираются случаи прозрачного и непрозрачного именованья при передаче установок агентов. В частности, идиолектное (возможно, ошибочное) *de re* носителя установки должно замещаться прозрачным именованьем передающего как и идиолектное *de dicto*. При этом непрозрачное именованье уместно лишь прагматически, а именно, в случаях, когда требуется осуществить взаимодействие с носителем идиолекта, не обращаясь к уточнению и коррекции именованья, а также при использовании знаковых комплексов явно, т. е. в сочетании с предикатами «именовать», «обозначать» и пр. Это становится особенно заметным при контрафактическом именованьи, в ходе которого предпринимается модификация языковой конвенции, не всегда, впрочем, успешная, ибо новое имя может уже быть в ходу. Вне зависимости от этого, внесение нового именованья происходит, тогда как исходное служит основанием идентификации. Здесь проявляется нормативный характер установок относительно именованья, что придаёт соответствующим высказываниям роль динамических модификаторов контекста. Идентификация на каркасе дейктических референтов может рассматриваться как основание именованья.

Литература

- Борисов 2019 — *Борисов Е. В.* Кросс-мировая предикация в аскрипциях мнения // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3, № 3. С. 201–217.
- Крипке 1986 — *Крипке С.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 194–241.
- Микиртумов 2006 — *Микиртумов И. Б.* Теория значения и интенциональная логика. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.
- Тискин 2019 — *Тискин Д. Б.* Ещё о разделении семантического труда // Структурная и прикладная лингвистика: Межвузовский сборник. Выпуск 13 / ред. И. С. Николаев. СПб: Издательство СПбГУ, 2019. С. 90–106.

- Kracht 2017 — *Kracht M.* Wissen und materiale Kultur. Wie viel Wissen können wir uns leisten? Weilerswist: Barton Verlag, 2017.
- Kripke 1980 — *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford: Blackwell, 1980.
- LaPorte 2016 — *LaPorte J.* Rigid Designators // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rigid-designators> (accessed: 10.05.2020).
- Lewis 1968 — *Lewis D.* Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65. P. 113–125.
- Lewis 1973 — *Lewis D.* Causation // Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. P. 556–567.
- Montague 1973 — *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Approaches to Natural Language / ed. by J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes. Dordrecht: Reidel, 1973. P. 221–242.
- Moschovakis 2006 — *Moschovakis Y.* A logical calculus of meaning and synonymy // Linguistics and Philosophy. 2006. Vol. 29. P. 27–89.
- Ninan 2019 — *Ninan D.* Naming and epistemic necessity // Noûs. Early View. DOI: 10.1111/nous.12314 (accessed: 22.07.2020).
- Romoli, Sudo 2009 — *Romoli J., Sudo Y.* De Re / De Dicto Ambiguity and Presupposition Projection // Proceedings of Sinn and Bedeutung 13 / ed. by A. Riester, T. Solstad. Stuttgart, 2009. P. 425–438.
- Rothschild, Yalcin 2016 — *Rothschild D., Yalcin S.* Three notions of dynamicness in language // Linguistics and Philosophy. 2016. Vol. 39. P. 333–355.
- Schwager 2011 — *Schwager M.* Speaking of qualities // Proceedings of SALT. Vol. 19. 2011. P. 395–412.
- Sudo 2014 — *Sudo Y.* On De Re Predicates // Proceedings of WCCFL. Vol. 31. 2014. P. 447–456.
- Yalcin 2019 — *Yalcin S.* Parameteric Context-Sensitivity. URL: <https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf> (accessed: 15.11.2019).